Е. Д. Борщукова

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ В ПЕТРОГРАДЕ В 1917 ГОДУ: ФЕВРАЛЬ КАК ТОЧКА ОТСЧЕТА «НОВОЙ ИСТОРИИ»

Работа представлена кафедрой истории РГПУ им. А. И. Герцена.

В статье рассматриваются ключевые события, повлиявшие на смену власти в результате февральской революции. Акцент сделан на феномене умонастроения российских подданных под воздействием социальных условий, политической борьбы и идеологического воздействия, различных политических сил. Формирующиеся мировоззренческие позиции участников событий февраля 1917 г. были по своей структуре весьма сложными, как и сама жизнь этого периода.

Ключевые слова: *Первая мировая война, эволюция взглядов и общественных настроений, институты власти в контексте политических событий; политические партии и формирование общественного сознания, социальное положение и общественное сознание.*

E. Borshchukova

EVOLUTION OF PUBLIC MOOD IN PETROGRAD IN 1917: FEBRUARY AS A REFERENCE POINT OF THE “NEW HISTORY”

The key events that influenced the change of state power in the course of the February Revolution are considered. The stress is put on the phenomenon of the population’s mindset formed under the influence of social conditions, political struggle and ideological influence of different political forces. The forming ideological positions of the participants in the events of February 1917 were rather complicated in their structure as well as life in that period itself.

Key words: *World War I, evolution of views and public mood, institutions of powers in the context of political events, political parties and forming of public consciousness, social status and public consciousness.*

К 1917 г. общественные настроения различных слоев населения России существенно отличались от тех, что были свойственны большинству российских подданных к нача-

лу Первой мировой войны. Однако было бы неправильным излишне упрощать динамику перемен, происходивших в умах и сердцах людей, ставя их в зависимость только от неудач на фронте или от внутриполитических проблем. Нет сомнений в том, что в предреволюционный период процесс эволюции взглядов и умонастроений носил сложный, часто противоречивый характер, и движущие силы той эволюции до сих пор остаются изученными не до конца.

Несмотря на то что взгляды населения на ход текущих событий постоянно менялись, некоторые из тех событий представляли собой качественно новые, этапные периоды в развитии ситуации. Среди них особую роль сыграли события конца февраля 1917 г. Начало крупномасштабных революционных изменений, по существу, представляло собой следствие принципиально иных, чем прежде общественных перемен. Общество к тому моменту сумело накопить такой потенциал новых умонастроений, которые были уже способны сформировать и новые условия для дальнейшего общественного развития.

О состоянии российского общества к февралю 1917 г. говорят многочисленные мемуары очевидцев и участников событий того времени. Видный большевистский деятель А. Г. Шляпников в своих подробных воспоминаниях воссоздал панораму настроений многих категорий населения страны. Он, в частности, показал, сколь противоречивы были взгляды умеренных социалистов по военно-промышленным вопросам [19, с. 111–117]. Автор на страницах своих воспоминаний рассказал и о настроениях российского генералитета, его умении чувствовать политическую конъюнктуру ради достижения собственных интересов [19, с. 142, 143].

Ценностью работы А. Г. Шляпникова стало и то, что он удивительно точно сумел передать изменения нравственно-политических ценностей в эмигрантской среде как в Европе, так и в Соединенных Штатах Америки. При этом он честно описывал не только успехи, но и неудачи, которые сопутствовали агитационно-пропагандистской работе его товарищей среди эмигрантов, отличавшихся широким диапазоном политических взглядов [19, с. 194, 195; 204–216; 225–236].

А. Г. Шляпников абсолютно справедливо делал особый акцент на динамике солдатских настроений. При этом он обращается к фактам, приводя примеры, связанные с военнослужащими Павловского и Волынского полков, с Кронштадтскими моряками, объясняет, например, причины замедления процесса присоединения к восставшим военнослужащих, находившихся в гарнизоне Петропавловской крепости [19, с. 157–159].

Однако нельзя считать мнения А. Г. Шляпникова близкими к объективному освещению событий. Его оценки насквозь пропитаны партийным высокомерием по отношению к политическим оппонентам. Так, он отмечал: «В советах П. Н. Милюкова и М. В. Родзянко была незамысловатая политика, имевшая целью обработку солдат авторитетом Государственной думы и революции, подчинения их своему влиянию и закрепление этого влияния через командный состав. Нередко речи господ из «прогрессивного блока» умершей Государственной думы были явно и грубо шовинистическими, пропитанными империалистическими аппетитами. «Мы должны разделаться с немцем внешним и покончить с немцем внутренним», – пересказывал А. Г. Шляпников слова одного из главных своих оппонентов П. Н. Милюкова. [20, с. 179].

Вместе с тем П. Н. Милюков далеко не столь примитивно рассуждал о ситуации в стране и о настроениях россиян. Его понимание положения государства и путей выхода их политического и духовного кризиса основывалось на других приоритетах. Начало февральских событий он во многом увязывал с политическими просчетами Николая II. Он считал, что старая власть, по существу, самоликвидировалась в силу собственной бездарности и беспомощности.

П. Н. Милюков с негодованием писал: «К удивлению “многих”, царь накануне волнений, 22 февраля выехал из Царского Села в Ставку, сохранив между собой и столицей только телеграфную и, как оказалось, еще

менее надежную железнодорожную связь. Он удовлетворялся сравнительно успокоительными телеграммами А. Д. Протопопова и не обращал внимания на тревожные телеграммы М. В. Родзянко» [7, с. 247, 248].

Вольно или невольно П. Н. Милюков очень точно оценил собственное понимание (точнее, непонимание) ситуации, сложившейся в ходе февральских событий, красноречиво говорившей о настроениях людей: «На следующий день, 28 февраля, положение окончательно выяснилось. Мы были победителями. Но кто – “мы”? Масса не разбиралась. Государственная дума была символом победы и сделалась объектом общего паломничества. Дума, как помещение – или Дума как учреждение?» [7, с. 247, 248].

П. Н. Милюков будучи видным политиком очень точно охарактеризовал сложившуюся ситуацию. Различные слои общества очень туманно представляли не только перспективу, но и состояние государственности в стране в конце февраля 1917 г. Но при этом было очевидно, что большинство россиян, из числа активно участвовавших в политической жизни, были категорически против самодержавной власти, считая ее инструментом, не способным осуществлять управленческие функции.

На протяжении всего периода развития советской историографии о февральских событиях 1917 г. утверждалось мнение о монолитном единстве сторонников революции, действовавших под руководством большевиков. Отмечалось, что идейное единство трудящихся Петрограда обеспечивалось активной работой Бюро ЦК и Петербургского комитета большевиков. Подчеркивалось, что «с первого же дня революционных выступлений масс большевистская организация повела настойчивую агитационную работу» [10, с. 30]. Это подтверждается и архивными документами. На учредительном собрании Петроградского комитета РСДРП(б) 2 марта 1917 г., на котором присутствовали представители Выборгского, Нарвского, Василеостровского районов города, представители студенчества, национальных большевистских организаций, союза печатников и коллектива завода Розенкранца, среди первоочередных задач подчеркивалась необходимость ведения агитации в войсках и обязательного согласования действий ораторов с решениями Петроградского комитета большевистской партии [10, с. 35]. Нет сомнений в том, что та работа проводилась целенаправленно. Вместе с тем не следует переоценивать ее эффективность в вопросе формирования политической активности населения и военнослужащих города.

О некоем хаосе в умах и поступках людей свидетельствуют многочисленные наблюдения современников. Для значительной части петроградцев февральские события были лишь поводом к праздному проведению времени. Действительно, революционные события февраля 1917 г. для многих горожан были лишь толчком к тому, чтобы выйти на улицы, пообщаться друг с другом у костров, у горящих зданий, попеть песни. В этом описании *быта* вряд ли стоит усматривать некую революционность, ставшую следствием стройной системы революционных взглядов. Во многом то была стихийность толпы, завороженной масштабными зрелищами городской вольницы, которой прежде никогда не бывало. Эта вольница основывалась на отрицании прежней регламентированной общественной жизни. При этом никто из горожан, независимо от своей социальной принадлежности, не представлял себе даже ближайшей перспективы социального развития.

Новые настроения людей формировали и новую политическую конъюнктуру, которая, в свою очередь, формировала или как минимум корректировала прежние общественные настроения. Этот процесс очень удачно прослежен М. Ф. Флоринским. В одной из своих работ он отмечал:

«Поток критических выступлений оппозиции (а поводов для них самодержавие и бюрократия давали предостаточно) подливал масла в разгоравшийся огонь и, обрушиваясь на раздраженное, утомленное военными невзгодами население, разрушал, по выражению одного из видных политических деятелей начала XX в. В. В. Шульгина, «сознание

необходимости повиноваться “указу его императорского величества”. Распространявшиеся по России слухи о влиянии при дворе Г. Е. Распутина, многократно преувеличивавшие масштабы этого влияния, об “измене”, якобы гнездившейся в самых высоких сферах, окончательно дискредитировали власть» [18, с. 442]. Кстати, в ту пору среди распространявшихся в России открыток очень популярной была открытка, называвшаяся «Самодержавие». На ней была изображена пара – полуобнаженная женская фигура с короной на голове, весьма похожая по своему внешнему облику на государыню императрицу, рядом с ней – весьма узнаваемая фигура Г. Е. Распутина [6, с. 193]. Подобные средства воздействия на сознание и чувства людей вносили существенный вклад в настроения людей. С одной стороны, они были примером реальной демократии, а с другой – становились мощным дестабилизирующим фактором.

Нельзя не согласиться с мнением М. П. Ирошникова и А. З. Ваксера, отмечавших, что после свержения самодержавия образовался своеобразный вакуум законодательной власти. По этой причине, по их мнению, «27 февраля с инициативой его заполнения выступил Временный комитет Государственной думы во главе с ее последним председателем М. В. Родзянко [2, с. 235]. Одновременно рабочие, а вслед за ними солдаты столицы избрали своих представителей в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Из множества возникших тогда в России самых разнообразных классовых и профессиональных объединений и союзов, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (часто объединенные) стали ведущей политической организацией масс и срезу же начали утверждаться как органы новой власти. Однако дальнейшего развития революционный процесс установления единовластия Советов тогда не получил. Руководящие позиции в большинстве Советов, в том числе и Петроградском, занял блок наиболее популярных и массовых в то время социалистических партий меньшевиков и эсеров» [2, с. 233]. Это, представляется, в некоторой мере скорректировало и формирование взглядов значительной части населения на состояние и перспективы развития революционных событий. Вместе с тем, представляется, что некоторая «властибоязнь», свойственная лидерам эсеров и меньшевиков, в какой-то мере сказалась и на умонастроениях петроградцев и военнослужащих Петроградского гарнизона. Эйфория, охватившая разные слои людей, от прихода к власти и низвержения монархии вскоре сменилась растерянностью от неэффективности властных усилий по стабилизации обстановки и налаживанию повседневного быта.

Оценивая настроения различных слоев населения Петрограда в феврале 1917 г., нельзя не отметить сильного влияния на них различных политических партий. При этом довольно заметной была конкуренция между многими политическими силами, в том числе и между теми, которые имели сходные позиции по многим вопросам. В связи с этим представляет интерес анализ февральских событий, проведенный Ю. И. Кирьяновым [5, с. 443, 444]. В частности, он отмечал: «Особо в этом плане следует рассмотреть события в Петрограде, приуроченные к открытию 14 февраля 1917 г. сессии Государственной думы». Меньшевики столицы, зная заранее о дате открытия сессии, призвали рабочих покинуть в этот день (вторник) свои предприятия, выйти на улицу и направиться к Таврическому дворцу, где заседала Дума, побуждая ее прогрессивную часть объявить себя Временным правительством. Большевики, стремясь помешать этой акции и перехватить у меньшевиков инициативу, призвали рабочих выйти на улицу в годовщину суда над большевистскими депутатами IV Думы 10 февраля 1917 г. Но тогда прекратили работу лишь 400 рабочих 3 предприятий Петрограда. Неудача была расценена большевиками столицы как тактический просчет, ибо 10 февраля приходилось на пятницу Масляной недели. Последовал новый призыв большевиков выйти на улицу в понедельник 13 февраля и продолжать выступление 14 февраля, не организовывая, однако, шествия к Таврическому дворцу. Но и на этот раз произошла осеч-

ка: забастовали лишь 1,8 тысяч рабочих двух предприятий в Петрограде и 2 тысячи московских рабочих тоже на двух предприятиях [10, с. 30].

Совсем иная картина наблюдалась 14 февраля 1917 г., когда на улицу вышли, по полицейским данным, 84 тысячи рабочих 52 предприятий столицы. На следующий день по этому же поводу бастовало 25 тыс. рабочих 20 предприятий. Едва ли есть основания сомневаться в том, что основная роль в организации этого выступления принадлежала меньшевикам из рабочих групп ЦВПК и Петроградского областного ВПК (показательно, что многие из членов этих групп были арестованы в конце января за подготовку массового выступления 14 февраля). Приведенные данные свидетельствуют о весьма широком распространении в среде рабочих в начале 1917 г. настроений «революционного оборончества» [5, с. 442]. Оценивая результаты динамично развивавшихся к февралю 1917 г. умонастроений жителей Петрограда и, как следствие, их практических действий, С.В.Тютюкин справедливо писал: «Это был сначала во многом стихийный, но затем быстро дополненный более организованными действиями пролетарских масс и других демократических сил взрыв народного протеста на почве продовольственного кризиса и недовольства всех политикой царского правительства» [16, с. 320].

Эти идеи С. В. Тютюкин еще раньше более развернуто изложил в другой своей работе. Он отмечал, что против самодержавной власти выступали не только народные массы, но и депутаты Государственной думы, многочисленные политические партии, генералитет, а также верхи торгово-промышленной буржуазии. Автор отмечал: «Не будь мощного брожения в “низах”, царь, видимо, все равно был бы устранен в результате заговора, вызревавшего в “верхах”. Однако петроградские рабочие и солдаты столичного гарнизона опередили высокопоставленных заговорщиков, вышли на улицы...» [17, с. 146].

Настроения людей в Петрограде в февральские дни 1917 г. были во многом схожими, происходило единение представителей различных социальных слоев не на основе общих устремлений к лучшему будущему, о котором представление было невнятным, а на основе всеобщего отрицания прежней системы общественных отношений. Атмосферу момента передает, например, встреча А. Ф. Керенского с юнкерами Михайловского артиллерийского училища 28 февраля 1917 г., в ходе которой новый политический лидер обратился к собравшимся с речью. Она была построена на диалоге с аудиторией, и в том диалоге ощущалось большое единство чувств. И понимание необходимости создания порядка и спокойствия в городе [3, с. 100, 233].

А. Ф. Керенский призывает солдат и офицеров к полному единению и доверию друг к другу, призывает офицеров быть старшими товарищами солдат.

Весь народ сейчас заключил один прочный союз против самого страшного нашего врага, более страшного, чем враг внешний, – против старого режима. И этот союз должен сохраниться до тех пор, пока мы не достигнем своей цели» [4, с. 84, 85].

Политические лидеры, стремясь к консолидации всех революционных сил, старались даже реальные трудности использовать в качестве инструмента объединения всех социальных слоев Петрограда. 27 февраля 1917 г. Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов обратился с воззванием ко всем гражданам. В документе отмечалось: «Солдаты, ставшие на сторону народа, с утра находятся на улице голодные. Совет депутатов рабочих, солдат и населения прилагает все усилия к тому, чтобы накормить солдат. Но сразу организовать продовольствие трудно.

Совет обращается к вам, граждане, с просьбой накормить солдат всем, что только у вас есть» [11, с. 21].

Такая парадоксальная ситуация во многом сложилась из-за непонимания царских властей всей остроты политической ситуации как в России в целом, так и в столице империи. Об этом, в частности, свидетельствует анализ документов Совета министров Российской империи, принятых в самые послед-

ние дни существования монархии. В 20-х числах февраля 1917 г. Совет министров рассматривал вопросы, совершенно не способствовавшие стабилизации в стране, в Петербурге. Например, среди Особых журналов Совета министров за 21 февраля 1917 г. были документы об отпуске средств на устройство нового телеграфного провода Петроград-Нюстад, об отпуске средств на развитие народного издательства, об отпуске денег «на усиление канцелярских и хозяйственных средств Канцелярии Совета Министров», отпускались деньги и на добавочное вознаграждение учащимся начальных училищ ведомства Министерства Народного Просвещения. Среди 17 Особых журналов Совета министров за тот день не было ни одного документа, нацеленного на стабилизацию политической обстановки [9, с. 6].

Трудно не согласиться с мнением редколлегии тома «Особые журналы Совета министров Российской империи» Б. Д. Гальпериной и В. В. Шелохаева, отмечавших: «Как видим, на протяжении двух последних месяцев своей деятельности, высший исполнительный орган страны – Совет министров – занимался по преимуществу решением текущих оперативных задач, которые, безусловно, были жизненно важными и необходимыми.

Однако за этими “текущими” задачами Совет министров “проглядел” надвигающуюся революцию» [9, с. 260–283].

По-своему реагировали на февральские события 1917 г. старшие офицеры Российской армии. Прошедшие испытание фронтом, они в основном были монархистами по убеждениям. Но и у большинства из них было сочувственное отношение к новым событиям. Известный философ и писатель Ф. Ф. Степун, бывший во время Первой мировой войны боевым офицером, позже вспоминал, что они в основном с пониманием относились к происходившему: «Если государь император сам соизволил отречься, то и наш долг присягнуть революционной власти», – говорили себе, меняя гнев на милость и успокаивая свою встревоженную совесть, верные слуги монархии» [15, с. 311–313].

Однако и среди офицерства не было единства мнений. Некоторые из них, особенно те, кто получил офицерский чин уже в годы войны, были настроены по-революционному. Склонный к некоторому преувеличению А. Ф. Керенский даже вспоминал, что некоторые армейские офицеры намеревались «разбомбить с самолета царский автомобиль, проезжавший по фронту» [4, с. 84, 85].

Что же касается солдат, находившихся в боевых порядках, то Ф. Ф. Степун был убежден, что они представляли собой вполне лояльную новой власти силу, мечтавшую о скорой светлой жизни: «Об этой будущей жизни я и сам в первые дни после переворота много говорил с солдатами и из этих разговоров вынес твердое убеждение, что жажда “замирения”, с неудержимою силою вспыхнувшая в солдатских душах, была не трусостью и не шкурничеством, но прежде всего народно-творческим порывом к свободе, в смысле оправдания добра в мире. Найдись у революции вожди, которые, вовремя расслышав этот порыв, сумели бы его политически оформить, все было бы спасено: и правда революции, и честь России» [15, с. 311–313].

Говоря о формировании умонастроений жителей столицы и военнослужащих гарнизона Петрограда, нельзя не согласиться с мнением А. Б. Николаева, считающим, что не отдельные политические партии, а именно Государственная дума стала истинным центром руководства революционными событиями в феврале 1917 г. [8, с. 160–226]. Это обстоятельство требует признать, что именно Государственная дума оказывала главное влияние на динамику взглядов и настроений основной части жителей и военнослужащих российской столицы.

Отмечая различные политические силы, внесшие свой вклад в формирование взглядов и отношения людей к Февральской революции 1917 г., нельзя не обратить внимание еще на одну из них – на масонство. Его роль в февральских событиях оценить довольно сложно, несмотря на обилие публикаций, в том числе работы А. Я. Авреха [1, с. 159–170], В. И. Старцева [14, с. 179–182], О. Ф. Соловьева [12, с. 272, 273] и других авторов.

С таким мнением согласен и известный исследователь В. В. Поликарпов. «Не договорившись» с властью, хотя частично и входили в нее, российские масоны тем не менее присущими им методами старались повлиять на ход событий той поры. О степени влияния масонов можно спорить, однако, очевидно, что их влияние не было главенствовавшим [12, с. 522].

Подводя итоги статьи, следует подчеркнуть, что эволюции общественных настроений в начале 1917 г. способствовали многочисленные политические силы, устанавливать приоритет которых, вероятно, не следует. Несмотря на различие во взглядах, они делали общее дело: формировали мировоззренческую позицию людей на текущие события, которая была по своей структуре сложной, как и сама жизнь.

Динамика политических настроений людей зависела от многочисленных факторов, включавших в себя не только воздействие пропаганды и агитации со стороны политических организаций. Свою роль играли и другие факторы, среди которых социальное положение людей, уровень их образования и воспитания, психическое состояние и многое другое.

Так или иначе, Февраль 1917 г. стал качественно новой точкой отсчета миропонимания для сотен тысяч людей, сыгравших свою историческую роль в дальнейшем развитии нашего государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аврех А. Я.* Масоны и революция. М., 1990.

2. *Ирошников М. П.*, *Ваксер А. З.* Россия в XX веке: народ, власть, войны, революции, общество: Учебная книга по отечественной истории. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.

3. *Керенский А. Ф.* Русская революция 1917. М.: Центрполиграф, 2005.

4. *Керенский А. Ф.* Дневник политика: революция началась! Издалека. Дело Корнилова. М.: Интелвак, 2007.

5. *Кирьянов Ю. И.* Рабочие России и война: новые подходы к анализу проблемы // Первая мировая война: Пролог XX века. М.: Наука, 1998.

6. *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Дм. Буланин, 2001.

7. *Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 2. (1859–1917). М.: Современник, 1990.

8. *Николаев А. Б.* Революция и власть: IV Государственная Дума 27 февраля – 3 марта 1917 г. СПб.: Изд-во РГПУ, 2005.

9. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1917 год. М.: РОССПЭН, 2009.

10. Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. Протоколы и материалы заседаний. СПб.: Бельведер, 2003.

11. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы. Том первый. 27 февраля – 31 марта 1917 г. Л.: Наука, 1991.

12. *Поликарпов В. В.* От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность вначале XX в. М.: Индрик, 2008.

13. *Соловьев О. Ф.* Русские масоны. М., 2006.

14. *Старцев В. И.* Тайны русских масонов. СПб.: ДАРК 2004.

15. *Степун Ф. Ф.* Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетейя, 2000. Т. 1.

16. *Тютюкин С. В.* Меньшевизм: страницы истории. Росспэн, 2002.

17. *Тютюкин С. В.* Россия: от Великой войны – к Великой революции // Война и общество в XX веке. Кн. 1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М.: Наука, 2008.

18. *Флоринский М. Ф.* Эволюция государственного строя России в начале XX века и свержение монархии // История России: народ и власть. Из лекций, прочитанных в российских университетах / сост. Ю. А. Сандулов. СПб.: Лань, 1997.

19. *Шляпников А. Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М.: Политиздат, 1992. Т. 1.

20. *Шляпников А. Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М.: Из-во «Республика», 1992. Т. 2.

REFERENCES

1. *Avrekh A. Ya*. Masony i revolyutsiya. M., 1990.

2. *Iroshnikov M. P., Vakser A. Z.* Rossiya v XX veke: narod, vlast', voyny, revolyutsii, obshchestvo: Uchebnaya kniga po otechestvennoy istorii. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2004.

3. *Kerensky A. F*. Russkaya revolyutsiya 1917. M.: Tsentrpoligraf, 2005.

4. *Kerensky A. F*. Dnevnik politika: revolyutsiya nachalas'! Izdaleka. Delo Kornilova. M.: Intelvak, 2007.

5. *Kir'yanov Yu. I.* Rabochiye Rossii i voyna: novye podkhody k analizu problemy // Pervaya mirovaya voyna: Prolog XX veka. M.: Nauka, 1998.

6. *Kolonitsky B. I*. Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoy kul'tury rossiyskoy revolyutsii 1917 goda. SPb.: Dm. Bulanin, 2001.

7. *Milyukov P. N*. Vospominaniya. T. 2. (1859–1917). M.: Sovremennik, 1990.

8. *Nikolayev A. B*. Revolyutsiya i vlast': IV Gosudarstvennaya Duma 27 fevralya – 3 marta 1917 g. SPb.: Izd-vo RGPU, 2005.

9. Osobye zhurnaly Soveta ministrov Rossiyskoy imperii. 1909–1917 gg. / 1917 god. M.: ROSSPEN, 2009.

10. Peterburgskiy komitet RSDRP(b) v 1917 godu. Protokoly i materialy zasedaniy. SPb.: Bel'veder, 2003.

11. Petrogradskiy sovet rabochikh i soldatskikh deputatov v 1917 godu. Protokoly i materialy. Tom pervy. 27 fevralya – 31 marta 1917 g. L.: Nauka, 1991.

12. *Polikarpov V. V*. Ot Tsusimy k Fevralyu. Tsarizm i voyennaya promyshlennost' vnachale XX v. M.: Indrik, 2008.

13. *Solov'yov O. F*. Russkiye masony. M., 2006.

14. *Startsev V. I.* Tayny russkikh masonov. SPb.: DARK 2004.

15. *Stepun F. F*. Byvsheye i nesbyvsheyesya. SPb.: Aletey'ya, 2000. T. 1.

16. *Tyutyukin S. V*. Men'shevizm: stranitsy istorii. Rosspen, 2002.

17. *Tyutyukin S. V*. Rossiya: ot Velikoy voyny – k Velikoy revolyutsii // Voyna i obshchestvo v XX veke. Kn. 1: Voyna i obshchestvo nakanune i v period Pervoy mirovoy voyny. M.: Nauka, 2008.

18. *Florinsky M. F*. Evolyutsiya gosudarstvennogo stroya Rossii v nachale XX veka i sverzheniye monarkhii // Istoriya Rossii: narod i vlast'. Iz lektsiy, prochitannykh v rossiyskikh universitetakh / sost. Yu. A. Sandulov. SPb.: Lan', 1997.

19. *Shlyapnikov A. G*. Kanun semnadtsatogo goda. Semnadtsaty god. M.: Politizdat, 1992. T. 1.

20. *Shlyapnikov A. G*. Kanun semnadtsatogo goda. Semnadtsaty god. M.: Iz-vo «Respublika», 1992. T. 2.